

*Г.А.Ключарев, доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом социально-экономических
проблем Института социологии РАН,
Е.Н.Кофанова, кандидат социологических наук,
научный сотрудник Института социологии РАН*

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Образование взрослых всегда имело исторический контекст. Такая ситуация сложилась и сегодня, когда сами принципы взаимоотношений между постсоветскими государствами радикально пересматриваются. Это не может не влиять на цели и практики образования взрослых, которые становятся все более ориентированными на конкретные социальные группы и конкретные социальные процессы. Очевидно, что для России особое значение приобретает новая миграционная политика по отношению к выходцам из стран СНГ. Именно она, как мы считаем, будет определять цели и формы образования взрослых в ближайшее десятилетие. Настоящая статья посвящена обоснованию этого тезиса.

В России наблюдается устойчивая депопуляция. С 1992 года естественный прирост населения прекратился. При сохранении существующих тенденций рынок труда будет терять до полу-миллиона человек ежегодно¹. Депопуляция сопровождается массовым перемещением населения по оси с востока на запад как в рамках России, так и в части транзита и эмиграции, в том числе на территориях СНГ. По результатам переписи за 13 лет (с 1989 по 2002 год), эмиграция составила 5,4 миллиона человек². В этой связи существует реальный предмет для сотрудничества со странами СНГ – управление миграционными потоками и непосредственно связанное с ним образование взрослых, которое выполняет инструментальную функцию миграционной политики.

Социальная и культурная адаптация (натурализация) мигрантов из стран СНГ и членов их семей представляется весьма важной задачей. Европейский, и в частности недавний французский, опыт показывает, что невнимание к образовательным технологиям чревато в последующем ростом уровня конфликтности и социальной напряженности. Конечно, речь не идет о тотальной ассимиляции или «окультуривании», хотя погружение в социокультурный и языковой контекст принимающей страны – неременное условие

адаптации. Поэтому создание действующей на постоянной основе системы мер образовательного характера представляется важным этапом деятельности политиков и менеджеров образования.

Здесь существует два направления – профессиональное и общее образование взрослых мигрантов.

Согласно прогнозам Е.Гонтмахера³, в ближайшие годы вследствие модернизации производств и борьбы предприятий за конкурентоспособность в различных отраслях и регионах страны произойдет высвобождение нескольких миллионов человек. Парадоксальность ситуации заключается в том, что рабочие места есть, но, чтобы их занять, надо получить дополнительное (профессиональное) образование. Можно легко представить ситуацию, когда «миллионы мигрантов окажутся на улице. Причем именно на улице, а не на рынке труда, так как компетентный потенциал, уровень образовательной открытости и пространственной мобильности не достаточны для вовлечения высвобождающихся работников в динамично обновляющийся рынок труда»⁴. Вследствие этого будет происходить и уже происходит перестройка социальной структуры общества. Более низкие статусные группы коренного населения вытесняются на периферию.

¹ Градировский С. Доклад на международной конференции «Социальная справедливость и межсекторное взаимодействие в России». 2 декабря 2005 г. – М., Стенограмма.

² Там же.

³ Воробьева О., Гонтмахер Е., Зайончковская Ж., Рыбаковский Л. Россия: миграционные вызовы XXI века / Доклад для Центра стратегических исследований. – М., 2004.

⁴ Градировский С. Доклад на международной конференции «Социальная справедливость и межсекторное взаимодействие в России». 2 декабря 2005 г. – М., Стенограмма.

Именно здесь в маргинальной части общества образование взрослых является одним из немногих средств, позволяющих достигнуть положительного эффекта в среднесрочной перспективе.

Таким образом, сегодня политика в сфере образования фокусируется, как минимум, на двух социальных группах. Первая – это вытесненные, или, если пользоваться более «мягким» термином, высвободившиеся, представители тех профессиональных групп, где требуется низкая или средняя квалификация (от строителя и землекопа, например, до больничной сиделки и шофера маршрутного такси). Вторая группа состоит из вновь прибывших на эти рабочие места мигрантов из стран СНГ, которые, как правило, имеют низкую профессиональную подготовку (или же она отсутствует вовсе) и высокие статусные амбиции. К этому следует добавить, что в подавляющем большинстве мигранты являются представителями иных социально-культурных традиций.

Теперь постараемся сформулировать, в чем заключается образование этих двух групп взрослого населения.

Во-первых, оно удерживает значительные по численности группы коренного и приезжего населения от «сползания» в маргинальность с присущими ей бедностью, девиантным поведением и, следовательно, ростом нагрузки на остальную часть общества. Во-вторых, происходит постепенная натурализация мигрантов, приобщение к традиционным формам культуры и образу жизни. При этом, как следствие, обеспечивается более терпимое восприятие этих групп общественным мнением, снижается уровень социальной напряженности.

Подчеркнем, что сформулированные таким образом цели образования взрослых имеют конкретно-историческое значение. Вероятно, в иной ситуации речь могла бы идти, например, о развитии просветительства или фитнес-культуры. Но поскольку основным фактором влияния остаются все-таки дезинтеграционные процессы на территориях СНГ, то именно они определяют политику в сфере образования взрослых сегодня.

Теперь рассмотрим подробнее, кто конкретно может и должен проводить такую политику? В принципе, возможные проводники (*акторы*) – сами взрослые учащиеся, представленные неформальными и общественными объединениями, работодатель и, наконец, государство.

Как показывают исследования ИКСИ РАН¹, те, кто относится к «высвободившимся» из сферы оплачиваемого труда, весьма неохотно воспринимают предложения об учебе и переподготовке. Сказывается отсутствие навыка учиться.

¹ Н.Е.Тихонова. Феномен городской бедности в современной России. – М.: Летний сад, 2003.

Часто влияют такие факторы, как удаленность проживания от места учебы, занятость по дому, вредные привычки и другое. В некоторых случаях данное отношение к возможности учиться обусловлено отсутствием разъяснительной работы или недостатком положительных примеров.

Представители мигрантов, напротив, более охотно в целом принимают возможность повышения квалификации, развития профессиональных навыков. Однако уровень их подготовки настолько низок, что требуются специальные промежуточные программы, включая курсы русского языка, чтобы эффект от образования сказался на их карьерном росте. Впрочем это не относится к процессу натурализации, который идет гораздо труднее, чем профессиональная подготовка. Среди подавляющего большинства членов семей мигрантов наблюдается выраженное уклонение от учебы в значительной степени вследствие того, что они изначально не настроены на интеграцию в культуру принимающей страны. Определенного продвижения в решении этой проблемы можно достигнуть привлечением преподавателей из тех стран, которые формируют миграционные потоки. По некоторым данным, доля таких преподавателей должна составлять не менее 10% от общего числа занятых в сфере образования взрослых.

Из сказанного можно сделать вывод, что сами потенциальные взрослые учащиеся вряд ли станут инициаторами образовательной политики или, если говорить проще, займутся профессиональным и моральным самообразованием в широком смысле этого термина².

Если же рассматривать работодателя как потенциального проводника образования, то очевидно, что в подавляющем большинстве случаев его экономическая заинтересованность в обучении работников находится на очень низком уровне. Тем более, что задача деформации или сохранения этнокультурного ядра иммигрантов находится вне его компетенции. При наличии значительных предложений дешевой и малоквалифицированной рабочей силы на постсоветском пространстве выгоднее забыть об образовании и перейти к перманентной ротации кадров. Если же говорить о другой (маргинальной) социальной группе «выбывших» из рынка труда, то она, очевидно, уже никогда не окажется в сфере интересов работодателя. По крайней мере, в нынешней исторической ситуации. Эти люди в большинстве уже перешли в сферу интереса, а лучше сказать, юрисдикции органов социальной защиты, попечительства и опеки, а также правоохранительных органов.

² Здесь не рассматривается образование и самообразование как протестная деятельность, что характерно для левых и радикальных образовательных парадигм.

Конечно, существует и успешно развивается система корпоративного (внутрифирменного) образования¹, но она непрозрачна, преследует, несмотря на многочисленные сегодня разговоры о социальной ответственности бизнеса, свои корпоративные интересы, а главное, не способствует капитализации человеческого потенциала в масштабах национальной экономики. Таким образом, и работодатель в данной конкретной ситуации не заинтересован в образовании рассматриваемых групп взрослых.

Переходим к третьей группе. То, что политика и инициативы в сфере образования взрослых должны находиться в руках государства и органов власти, хорошо видно на примере ряда наиболее развитых в экономическом отношении стран. Так, по инициативе правительств стран-участниц OECD² в 1990-е годы было предпринято комплексное изучение функциональной грамотности взрослых, поскольку низкий уровень грамотности представляет серьезное препятствие экономическому развитию и достижению социального согласия. В результате этого исследования выяснилось, что стратификация по уровню грамотности населения этих стран превышает возможности существующих образовательных программ для взрослых. Иначе говоря, значительное количество трудоспособного населения не может объективно включиться в действующие образовательные программы, и поэтому требуется их серьезная перестройка. Кроме этого, оказалось, что низкая грамотность присуща не только маргинальным группам, но и значительной части «благополучного» населения, хотя уровень грамотности непосредственно связан с экономическим и социальным успехом в жизни.

Наконец, наиболее интересный вывод заключается в том, что грамотность не является синонимом образованности. Чем ниже уровень грамотности, тем меньше взрослое население осознает потребность в учебе или повышении квалификации. А следовательно, оно не способно самостоятельно наладить учебный процесс или хотя бы внятно выразить заинтересованность в нем перед властями и государством. Именно по этой причине правительства стран-участниц исследования приняли национальные программы образования взрослых, а также специальные международные программы (например, *Сократ-Грундтвиг*)³.

Наша страна в этом исследовании, которое привлекает все новых участников, пока не принимала участия. Однако в некотором смысле

этот пробел могут восполнить данные о связи функциональной грамотности (квалификации) и образования в восприятии российских респондентов, она изучалась в рамках недавнего социологического исследования ВЦИОМ⁴.

Так, по мнению трети респондентов, уровень их функциональной грамотности соответствует требованиям выполняемой работы. Однако если учесть, что из всей выборки в трудоспособном возрасте находится менее половины человек, то можно сделать вывод о том, что потребность в дополнительном образовании весьма низкая. В целом лишь 6% указали, что им не хватает образования и квалификации для выполнения нынешней работы.

На вопрос, как доходы зависят от профессионально-квалификационных навыков, 40% ответили, что зависят «очень сильно» и «достаточно сильно». Поскольку 23% считают, что квалификация и уровень образования никак не влияют на уровень доходов, можно сделать вывод о поляризации рабочих мест на рынке труда на высокооплачиваемые, требующие значительной квалификации и опыта, и на низкооплачиваемые, где опыт и знания особого значения не имеют. Выше уже отмечалось, что большинство рабочих мест неквалифицированного труда будет неизбежно сокращаться в ходе модернизации предприятий и обострения конкурентной борьбы. Тогда произойдет высвобождение работников, которым все равно придется пере/доучиваться, независимо от того, осознают ли они это обстоятельство или нет. Впрочем, как показывает опыт некоторых западных стран, дешевле содержать значительную часть этих людей на пенсиях, пособиях и, следовательно, не нагружать систему дополнительного профессионального образования. Другое дело, что социальный эффект от таких действий имеет негативный характер, он ведет к потере человеческого капитала. Впрочем, это уже в компетенции тех политиков, которым по должности вменено право на исторические риски.

Связь образовательного поведения взрослых респондентов и карьерного роста также изучалась в ходе исследования. Более 40% отметили, что профессиональная карьера «сильно» и «очень сильно» зависит от профессионально-квалификационных навыков. Однако те же 23% отрицают наличие такой связи. Видимо это те самые люди, которые занимают низкооплачиваемые рабочие места, где квалификация не требуется.

Представляет интерес отношение к высшему образованию среди работающих респондентов. По нашим данным, это люди, значительная часть которых (около трети) уже на личном опыте убедились, что знания и навыки, полученные

¹ Например, учебные заведения, которые учреждают и поддерживают разного рода коммерческие структуры («РАО ЭЭС», Альфа-Группа, Лукойл, Газпром, Российские железные дороги и некоторые другие).

² Literacy, Economy and Society. Results of the First International Adult Literacy Survey. OECD: Paris, 1995. – 199 p.; T.Scott Murray, Yvan Clermont, Marilyn Binkley. Measuring Adult Literacy and Lifeskills: New Frameworks for Assessment. Statistics of Canada. Toronto. 2005. – 408 pp.

³ http://europa.eu.int/comm/education/programmes/socrates/grundtvig/home_en.html

⁴ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 14-15 мая 2005 г. Опрошено 1600 человек в 100 населенных пунктах, 40 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

во время учебы в вузе или университете, мало пригодны на практике. Если это так, то становится понятно, почему половина респондентов (44%) рассматривают получение высшего образования, а точнее – соответствующего диплома, как формальную необходимость, своего рода образовательный ценз для «трудоустройства на хорошую работу». Более «романтической» образовательной мотивации – *чтобы оказаться в культурной среде и чтобы получить новые знания, расширить свой кругозор* – придерживаются соответственно 8% и 15%. К этому добавим, что 9% получают высшее образование, *чтобы не служить в армии*, а 10% – *потому что так принято*.

На самом деле, потребность в традиционном высшем образовании с точки зрения сегодняшнего рынка труда относительно невысока. Структура вакансий свидетельствует о наличии значительного количества рабочих мест, где квалификация и опыт не имеют решающего значения. На такую работу может привлекаться либо молодежь со средним образованием (с перспективой карьерного роста и дополнительного образования), либо мигранты (с минимальной возможностью карьерного роста и дополнительного образования). Это нашло отражение в данных исследования – среднее и среднее специальное образование считают достаточным для себя больше людей (48%), чем высшее (32%). Абсолютно непопулярны среди работающих два высших образования (5%). Любопытно, что сейчас в вузах до 70% студентов получают на платной основе второе высшее образование. Не разочаруются ли они в нем через несколько лет подобно респондентам в нашем исследовании?

Более общий вопрос об отношении к новым профессионально-квалификационным навыкам, а по сути, о повышении уровня функциональной грамотности выделил следующие группы респондентов. Пятая часть не видит востребованности на работе новых знаний, опыта, квалификации – соответственно эти люди не мотивированы к учебе. Такое положение вещей либо их устраивает, или же они вынужденно смирились с существующим положением дел. В то же время большая часть – 55% – признают наличие востребованности результатов своей учебной деятельности. Более того, то, чему они сейчас учатся, *будет обязательно востребовано в течение ближайших 5 лет*. Правда, по истечении этого срока *придется учиться снова*, а раз так, *то учебный процесс должен быть непрерывным*.

Четверть респондентов считает, что для того, чтобы соответствовать требованиям рынка труда, надо повышать квалификацию ежегодно, такое же число считает, что учиться надо с интервалом либо в три года, либо в пять лет (видимо, в зависимости от характера труда). На практике же до действительно непрерывного образования далеко. Почти 60% респондентов ни

как не учились за последние три года, не повышали своей квалификации и не пытались освоить новую (вторую) профессию.

Таким образом, данные исследования ВЦИОМ подтверждают во многом противоречивое и неоднородное отношение населения к вопросам учебы, повышения уровня своей функциональной грамотности и/или просто получения (покупки?) сертификата необходимого уровня образования.

В рамках данного исследования специально не выделялась группа мигрантов, с которых мы начинали рассмотрение вопроса. Однако оно дает представление об образовательных предпочтениях той среды, в которую интегрируются мигранты. Специальное изучение образовательного поведения и потребностей этой группы еще предстоит. В нашем распоряжении пока имеются лишь данные пилотного исследования образовательного потенциала клубных учреждений¹. Оказалось, что клубы начинают не только осваивать новые образовательные программы для взрослого населения, но и целенаправленно работать с мигрантами, национальными меньшинствами, компактно проживающими на близлежащих территориях. Конечно, дальнейшее развитие этой инициативы полностью зависит от политики местных властей, которые формируют государственный заказ и являются, как правило, единственными учредителями клубов, библиотек, культурно-досуговых центров в городах и особенно в сельских поселениях.

Таким образом, политика в сфере образования взрослых сегодня определяется в первую очередь экономическими и демографическими факторами. Необходимость привлечения низкоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ – со всеми вытекающими отсюда проблемами в сфере социокультурной адаптации – определяет задачи и методы работы со взрослым населением. Как составную часть такой политики следует рассматривать поддержание образовательной мобильности, создание форм учебы, которые компенсировали бы ограничения, обусловленные пространственно-временной спецификой нашей страны. Представляется также важным создавать инфраструктуру, которые стимулируют капитализацию человеческих ресурсов посредством образования и традиционных методов культурного воздействия (морального образования). Из этого следует, что только эффективная политика государства способна решить важные социально-экономические проблемы, которые стоят сегодня перед страной.

¹ Дукачева Л.В., Ключарев Г.А. Информационно-образовательный потенциал культурно-досуговых учреждений России. – М.: Институт социологии, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, 2006. (Исследование проводилось осенью 2005 г. в 15 регионах страны и 8 районах Московской области. Опрошены были не только руководители клубных учреждений, но и руководители управлений культуры районного уровня).